

Дики адыгского прошлого

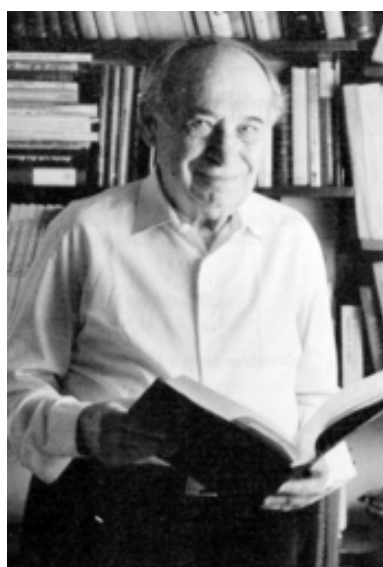

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 12 (124)

АДЫГСКИЙ (ЧЕРКЕССКИЙ) БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Айалон, Давид (Ayalon (урожденный Neustadt), David, Хайфа, 1914 – 1998), профессор Еврейского университета в Иерусалиме (Hebrew University in Jerusalem), основатель «Института Азиатских и африканских исследований» в этом университете, крупнейший и признанный во всем мире мамлюковед, во множестве монографий и статей уделил самое серьезное внимание черкесскому аспекту мамлюкской истории.

В 1949 г. вышла его статья «Черкесы в мамлюкском королевстве». (Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // // Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949. P. 135 – 147). Огромная работа, проделанная Айалоном по анализу мамлюкских хроник, позволила ему сформулировать ряд важных идей по теме черкесского присутствия в Египте. Эти идеи сохраняют свою актуальность и для последующего османского периода. Айалон оценивает Баркука как лидера, который сделал своих черкесских последователей правящей кастой в мамлюкском султанате, тем самым совершив едва ли не самый крупный национальный переворот из когда-либо происходивших в Египте за всю историю. Исследователь отмечает, что в мамлюкских источниках черкесы упоминаются как народ, резко отличающийся от турок. В бахритский период они описываются как возрастающая сила, которую боялись турки. Нет ни одной подобной характеристики в отношении любого другого мамлюкского племени. «Тот факт, – считает Айалон, – что черкесы в конечном счете вытеснили турок и присвоили себе верховенство, показывает, что для опасней, которые испытывались турками, были реальные основания и, что черкесское стремление к власти существовало много ранее его успешной реализации». Со времени основания Бурджийа, мамлюкского армейского корпуса в 3700 всадников (около 1280 г.), черкесы оставались наиболее многочисленной груп-

Айалон, Давид

пой в этом новом корпусе, который занял положение одинаковое с тем, что занимал ранее Бахрийа. Айалон анализирует захват власти черкесом Байбарсом ал-Джашангиром в 1309 – 1310 гг., а также попытку совершить государственный переворот черкесским эмиром Гурлу в 1346 – 1347 гг.

Отмечается также, что господство одного племени и национальная солидарность в черкесский период (1382 – 1517) выражались куда более определеннее, чем в бахритский период. Ал-джинс, означающее «народ», обозначало черкесский народ. Точно также, ал-каум, «люди», относилось только к черкесам. Ал-та'ифа, «секта, община», также указывает предпочтительно на черкесов. Национальная солидарность, ал-джинсийа, и высокомерие, согласно исследованию Айалона, характеризовали черкесов уже в тот период, когда они были еще меньшинством и оспаривали верховенство турок. Значение, которое черкесы придавали национальной принадлежности, как одному из необходимых качеств для военной карьеры, было очевидно уже в правление Баркука. Большое внимание Айалон уделил практике султанов и эмиров перевозить своих родственников из Черкесии, что он считает одной из наиболее характерных черт черкесского периода. Иммиграция

родственников достигла особенно больших размеров с середины XV в.

Важное значение имеет также монография Д. Айалона «Порох и огнестрельное оружие в мамлюкском королевстве». (Ayalon D., Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom. L., 1956). В этом исследовании анализируются причины негативного отношения черкесских мамлюков конца XV – начала XVI века к использованию огнестрельного оружия. Основываясь на сведениях Ибн Зунбуля и Ибн Ййаса, Айалон приходит к мнению, согласно которому победу при Мардж Дабике османы одержали прежде всего благодаря превосходной оснащенности их армии огнестрельным оружием – пушками и аркебузами. Айалон отождествляет враждебное отношение Ибн Зунбуля к огнестрельному оружию с отношением к нему самих черкесов. В этом плане, отмечается фундаментальный антагонизм между приверженностью к фурусийа, совокупности боевых искусств и рыцарских правил поведения мамлюков, и осознанием неизбежности принятия огнестрельного оружия. Рыцарская ментальность черкесов, их неоспоримое преимущество над подвластными группами населения, основанное на комплексе воина-всадника, высоко развитых традициях конной войны, фехтования, копейного боя, обладании доспехами, культивировании утонченного кодекса чести – все это было поставлено под угрозу исчезновения в виду распространения огнестрельного оружия.

Для периода бейликата (XVIII в.) Айалон в работе, посвященной хронике ал-Джабарти, констатирует существенную трансформацию мамлюкского общества. Базисный принцип мамлюкского института – запрет на наследование титула, должности и имущества от отца к сыну – в этот период нарушался столь часто, что некоторые мамлюкские дома приобрели характер фамильных группировок. Изменилась и мамлюкская антропонимия: если в период султаната мам-

люки носили почти исключительно этнические тюркские и черкесские имена, то в XVII – XVIII вв. этнические имена буквально единичны и целиком доминирует исламская традиция. Следующее важное изменение, подчеркнутое Айалоном, это отсутствие среди мамлюков национального антагонизма, точнее сказать, его отсутствие на страницах хроники ал-Джабарти. В то же время, согласно Айалону, этнический состав мамлюков до некоторой степени восстанавливается благодаря точным указаниям на национальную принадлежность ведущих эмиров и кашифов. В изучении национального состава мамлюкского общества при Османах, согласно Айалону, особое внимание должно быть уделено истории и превращениям оджака черкесов.

Аллан, Вильям, сэр (Allan, William, sir, 1782, Эдинбург – 1850, Эдинбург), выдающийся шотландский исторический живописец, в творчестве которого нашли отображение разные стороны черкесской культуры. В 1805 г. отправился в Россию, где обзавелся рядом влиятельных друзей. В их числе был сэр Александр Кричтон, впоследствии медик при императорской семье. Изучив русский язык, Аллан направился в длительное путешествие по внутренним провинциям империи.

Несколько лет провел на Украине, совершая оттуда поездки в Турцию, Крым, на берега Черного и Азовского морей, на Кубань. Живя среди татар, казаков, черкесов и турок, изучал историю, обычаи и костюмы этих народов; собрал коллекцию оружия и доспехов, по преимуществу черкесских, для будущих своих картин, поскольку он уже решил посвятить свое дарование живописи на исторические сюжеты.

В 1812 г. Аллан намеревался возвратиться в Шотландию, но был задержан в России французским вторжением. В 1814 г., после 10-летнего отсутствия, художник вступил на улицы родного Эдинбурга. Его первые картины, после

Аллан, Вильям

возвращения, были посвящены воспроизведению тех романтических и кровавых сцен, которые он наблюдал в Черкесии. Его «Черкесские пленники» – работа полная романтизма и оригинального материала, характера и экспрессии, и выдающаяся по полноте своего воплощения была выставлена в Сомерсет-Хауз в Лондоне в 1815 году, и мгновенно принесла ему широкую известность. За этим большим полотном последовали «Татарские бандиты», «Аслан-Герай переправляется через Кубань», «Заключенные, конвоируемые казаками в Сибирь», «Еврейская свадьба в Польше». Вместе с костюмами, доспехами и оружием, которые он собрал за время своих путешествий, эти и многие другие картины были выставлены им в Эдинбурге.

Выставка имела большой успех, а ее автор получил огромную популярность среди своих соотечественников. Его картина «Черкесы» была приобретена сэром Вальтером Скоттом, удостоившим ее высочайшей похвалы. Великий князь Николай, впоследствии царь России, во время визита в Эдинбург приобрел несколько картин Аллана: в их числе упомянутые выше «Сибирские ссыльные» и «Аслан-Герай». Отныне все произведения художника с готовностью раскупались. Он создает на шотландскую тему ряд выдающихся произведе-

ний. По совету своего врача, художник меняет климат и едет в Италию, и оттуда совершает путешествие в Константинополь.

Восстановив здоровье, Аллан путешествует по странам Средиземноморья и Восточной Европы, неустанно изучая обычаи, костюм и манеры различных народов. Затем он успешно воплощает свои впечатления и познания на холсте – «Польские пленники», «Невольничий рынок в Константинополе», «Черкесский князь, продающий двух мальчиков своей национальности казачьему вождю из Черноморья», «Черкесский вождь, продающий турецкому паше пленников из соседнего племени, захваченных на войне», многие другие картины.

Базили, Константин Михайлович (1809 – 1884) – российский дипломат и ученый-востоковед, выходец с территории Европейской Турции албано-греческого происхождения. В своих работах уделял много внимания черкесам в Турции, Сирии и Египте.

В 1834 – 1836 гг. К. М. Базили издает ежегодно по большому двухтомному сочинению: «Архипелаг и Греция в 1830 – 1831 гг.», «Очерки Константинополя» и «Босфор и новые очерки Константинополя». В 1839 г. Базили был назначен консулом в Бейрут, где он пробыл до 1853 г. Служебные обязанности требовали от него частых поездок по всей Сирии и Турции. Базили в тонкостях изучил страну пребывания, результатом чего стала его книга «Сирия и Палестина под турецким правительством», которая долго не пропускалась цензурой пока, наконец, не вышла в свет в 1862 г. в Одессе. Эта книга стала одним из первых в мировой литературе трудов по новой истории Ближнего Востока. Эпоха Мухаммада Али, история Мамлюков, турецко-египетские войны, хитросплетения политики западных держав, Константинополя и Петербурга – все это в преломлении к истории Сирии нашло детальное отражение в монографии Базили.

Как серьезный и действительно объективный исследователь Базили уделил много внимания изложению и анализу материала, связанного с черкесским присутствием в Сирии, Египте и Турции. Он не упустил из виду ни одного из известных нам по другим источникам крупных черкесских военачальников. Базили отмечает доминирование черкесов в мамлюкской среде, их нежелание смешиваться с местным населением.

Сведения по истории черкесской династии (1382 – 1517гг.) взяты им из хроники Ибн Ййаса и многотомной истории Османской империи Йозефа Хаммера. Автор оперирует такими выражениями как «черкесская династия», «черкесское владычество», «мамлюки чистой черкесской крови». Политику Али-бея ал-Кабира (1754 – 1773 гг.) Базили расценивает как стремление «к возрождению неза-

Базили, Константин Михайлович

Бартольд, Василий Владимирович

Дзидзария, Георгий Алексеевич

висимой черкесской династии на берегах Нила». Тем не менее, автор был далек от мысли видеть в мамлюках только черкесов: он указывает на боснийское происхождение Джаззар-бея, на присутствие албанцев в мамлюкских дружинах и т.д. В тех случаях, когда он не знал точно этническое происхождение какого-нибудь знатного кавказца на службе у Порты, то ограничивался выражением «уроженец Кавказа». Так, аморфно кавказцы у Базили великий визирь Хозреф-паша (черкес-абадзех), визири двора и зятя султана братья Халил-паша (впоследствии капудан-паша) и Саид-паша – из других источников (напр., Теофил Лапинский) известно их абхазское происхождение; главнокомандующий сухопутными армиями империи Хафиз-паша (черкес-шапсуг – ГАКК, Мориц Вагнер). Базили отмечает массовый характер кавказского наемничества, называя Кавказ «рассадником пашей».

Бартольд, Василий Владимирович (1869 – 1930), выдающийся российский востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, академик Санкт-Петербургской Академии наук (1913), член Императорского Православного Палестинского Общества.

В своем классическом эссе «Халиф и султан», посвященном истории наделения османского султана полномочиями и титулом халифа, уделяет внимание второй османо-мамлюкской войне 1516 – 1517 гг. Исследователь вскрывает объективные политические причины османо-мамлюкского конфликта; дает точную хронологию его основных этапов.

Впервые в российской литературе Бартольд приводит сведения Ибн Зунбуля, который, по его мнению, изложил черкесскую версию событий. И, если в обеих армиях чувствовался недостаток дисциплины, то идеологическое преимущество было на стороне Селима. Он объявил черкесов безбожниками и врагами ислама: то же самое о них думали и арабы. В арабской среде были распространены османофильские настроения. Османские султаны имели устойчивый имидж справедливых государей.

Бартольд отмечает велико-

лепную оснащенность османов огнестрельным оружием, тогда как черкесские рыцари, подобно их европейским коллегам, пренебрегали применением пушек и аркебузов. Армия Селима, согласно Бартольду, состояла из простолюдинов, а языком большинства солдат янычарского корпуса был славянский (сербохорватский). В этой связи, черкесские мамлюки контрастировали с окружающими их турками, арабами, янычарами не только этнически, но и социально. Они носили элегантную рыцарскую одежду и, как отмечает Бартольд, всем этим внешним отличиям современники придавали большое значение. Бартольд констатировал, что государственное устройство Египта и после завоевания его османами продолжало следовать черкесской практике. Наместниками Египта и Сирии были назначены черкесские военачальники. При этом, автор подчеркивает, что как османы, так и арабы выражали султану Селиму свое недовольство. Согласно Бартольду, Селим увез в Константинополь большое число представителей мамлюкской знати и таким образом, черкесское присутствие в столице Османов, если и имело место до того, то получило в 1517 г. мощную подпитку.

Галонифонтибус, Иоанн, де. (Johannes de Galonifontibus, ум. после 1423 г.), в 1398 г. католический архиепископ Султани в Иране, в 1403 г. являлся послом Тамерлана на Западе, автор страноведческого трактата «Книга познания мира» (Libellus de notitia orbis), написанного в 1404 г.

Глава IX сочинения посвящена Черкесии и, таким образом, Галонифонтибусу принадлежит первое развернутое описание культуры и быта Черкесии. В первом же предложении сам Галонифонтибус подчеркивает, что у этой страны два названия: Зикия и Черкесия (в рукописи Ziquia sive Tarquasia): «Страна называемая Зикией или Черкесией расположена у подножья гор, на побережье Черного моря».

Знавший несколько восточных языков архиепископ закономерно затруднялся с транслитерацией термина черкес/Черкесия, а устойчивой европейской традиции написания

этого названия (в отличие от Зихии) еще не существовало. В итоге, в формах Tarquasia (Черкесия) и Tarcazi (черкесы) легко угадывается воздействие арабской формы Джарказ (ее же мы видим в ряде нотариальных актов). Оправданность такой логики поддерживается существованием еще одной формы термина черкес – тзаркас, которая содержится у Лаоника Халькокондила, византийского историка XV века, также пользовавшегося арабскими и турецкими источниками.

На рубеже XIV и XV вв. Черкесия расширила свои пределы на север до устья Дона и Галонифонтибус отмечает, что «город и порт Тана находится в этой же стране в Верхней Черкесии, на реке Дон, которая отделяет Европу от Азии». З. М. Буниатов в комментариях к этому первому русскому изданию отмечает, что в этом предложении в оригинале (рукописи) говорится о Зихии (Sicia) – Sychia у Юлиана и Ziquia у Рубрука.

Восточные пределы Черкесии на северном склоне ГКХ Галонифонтибус определяет как Каспийские горы, что, скорее всего, указывает на Дагестан. С севера Черкесия граничила с Татарией, на юге – с Абхазией (в рукописи: Arcasia). Подразделение на белых и черных черкесов у Галонифонтибуса является отражением принятого у итальянцев в XIV в. подразделения зихов на белых и черных. Так, каталонская карта Абрахама Креска 1375 года указывает на побережье Зихии два пункта или района: Alba Ziquia и Mauro Ziquia. Варианты написания Зихии в различных морских картах: Zaquia, Zega, Zechia, Zaqua, Zaguia, Zicchia, Zichia, Cichia, Zuchya, Maurazica, Albasequia и т.д. Различие черных и белых зихов-черкесов было территориально-ландшафтным (черные зихи – горы, а белые – жители равнин) и, по всей видимости, социальным, т.к. институт княжеской власти, скорее всего, угасал по мере продвижения в горы.

Галонифонтибус предоставляет чрезвычайно ценные сведения о переплетении православия и язычества. В последнем он выделяет культ древопочитания.

Сообщается о существова-

нии у черкесов письменности, что не подтверждается другими источниками нарративного характера.

Галонифонтибус отмечает значительную вовлеченность населения Черкесии в систему средневековой работорговли и приводит два наиболее известных в его время примера удачной карьеры бывших черкесских невольников. Первый касается биографии его коллеги – католического архиепископа Черкесии Жана де Зихи. Второй пример, который приводит Галонифонтибус – султан Египта Баркук (1382 – 1399 гг.), с которым автор был знаком лично либо наблюдал его во время посещения Каира.

Вслед за этими двумя примерами преуспевания черкесов за пределами своей родины Галонифонтибус делает вывод, имеющий большое значение для понимания смысла черкесской истории и специфических черт социального устройства Черкесии: «Этот народ чрезвычайно талантлив и способен к различным делам, но не в своей собственной стране».

Уже на протяжении XIV в. черкесская диаспора в Египте, а также черкесские выходцы в других странах успели зарекомендовать высокую репутацию своего народа, а социально-политическое и культурное состояние их родины настолько контрастировало с их успехами за ее пределами, что Галонифонтибус подмечает это как давно известное положение вещей.

Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». Пер. и комментарии академика З. М. Буниатова. Баку: «Элм», 1980. 42 с.

Дзидзария, Георгий Алексеевич (1914 – 1988), выдающийся абхазский историк и общественный деятель, автор фундаментального труда по политической истории Абхазии и Черкесии XIX в. (Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. 530 с.).

Огромный фактологический материал, взятый в многочисленных архивах, литературе мемуарного происхождения, позволил Г.А. Дзидзария воссоздать глобальное историческое полотно, на фоне которого происходило массовое переселение адыгов и абхазов в Османскую империю. В то же время, автор возлагает ответственность за эти трагические события как-бы поровну на все задействованные стороны: Россию, Турцию и самих переселенцев. Детали социальной и культурной жизни махаджиров не оставляют, на наш взгляд, сомнения в том, что их массовый исход носил вынужденный, насильственный характер.

В современном кавказоведении монография Г.А. Дзидзария приобрела статус классического труда по проблемам кавказских диаспор. В заключительной части своей

монографии исследователь приводит сведения о жизни и деятельности большого числа махаджиров, занимавших высшие государственные посты в Турции в период с 1864 по 1924 гг. Представители махаджиров составляли значитель-

ную часть управленческого аппарата как при султани Абдул-Хамиде II, так и в пост-революционной Турции.

Дзидзария констатировал высокую степень организованности махаджиров, отсутствие в их среде национального

антагонизма. В то же время, как отмечает Дзидзария, в среде махаджиров существовали заметные противоречия социального плана. Идеологическое расслоение турецкого общества затронуло мир патриархальных представлений

кавказцев. В результате, многие адыги и абхазы примкнули к младотурецкому движению, а затем оказались в лагере сторонников Мустафы Кемаль-паши. Дзидзария затронул также вопросы культурной жизни махаджиров, при-

этом, приводимый им материал, имеет отношение, в основном, к адыгам.

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.

РУКЕВИЧ А. Ф. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО ЭРИВАНЦА (1832 – 1839 гг.)

Продолжение, начало в
выпуске 11 (123).

В конце мая вернулась флотилия с транспортом леса, но не в добрый час она пришла. 30-го мая ранним утром море было необычайно тихо, в воздухе чувствовалась духота. Все свободные от наряда люди высыпали на берег помогать разгружать лес с пришедших судов. Дубовые брусья и доски, тонувшие в воде, грузились на лодки, а легкие сосновые сбрасывались в море и затем буксировались к берегу. Люди лямками подхватывали их и складывали в штабели. Многие соединили приятное с полезным и, раздевшись нагишом, купаясь в теплой, словно нагретой воде, помогали работе. Мы, несколько человек, стояли на эспланаде и любовались картиной тихого моря и оживленной, веселой деятельностью на берегу. Но вот с запада, т. е. с открытого моря прямо на нас подул довольно свежий ветерок, и картина начала постепенно меняться. Тихая, зеркальная поверхность местами зарыбилась от налетавших порывов ветра, все суда, стоявшие до сих пор в самых разнообразных положениях, повернулись, как по команде, носами к морю. На палубах заметна была какая-то особая деятельность, матросы карабкались по снастям, заскрипели блоки, загремели опускаемые добавочные якоря. Оказалось потом, что судовые барометры начали с утра быстро падать вниз, указывая на приближающуюся бурю, и теперь все готовились к встрече ее. Действительно, часов около девяти на юго-западном горизонте показалась свинцовая, почти черная туча, море разом покрылось зайчиками, и вся мирная, ласкающая взор картина сразу изменилась во что-то грозное, даже страшное... Тучи быстро надвигались, с их нижней стороны в разных местах отделились какие-то жгуты, которые постепенно слились с морем, — это были смерчи; мы их насчитали до пятнадцати штук.... А ветер все крепчал, прибор увеличивался, вместе с тревожными командами на судах к нам доносился вой ветра в снастях, что для нас, стоявших на берегу, казалось особенно зловещими.... Наблюдая с захватывающим инте-

ресом эту картину разыгрывающейся бури, мы не замечали, как начался дождь, который скоро перешел в ливень. Но он нас не разогнал, и мы продолжали стоять под развесистыми каштанами, гнувшимися, как тростники, под напором свирепого шквала... На судах опять что-то опускали, что-то прикрепляли, завозили новые якоря, на некоторых сбрасывали с палубы лес, чтобы облегчить груз... Лес этот волнами гнало к берегу, здесь люди ловили его и веревками оттащивали подальше от воды...

К полудню, однако, буря разыгралась в такой степени, что у некоторых купеческих кораблей полопались канаты и суда, гонимые ветром и волнами, начали выбрасываться на берег. Делали это они очень ловко, как то особенно умело становясь навстречу волне и затем мягко, без всяких повреждений ложась на песок. В этом весь гарнизон принимал участие, лова концы веревки, бросаемых с кораблей, и закрепляя их на берегу, чтобы не дать судам отплыть вместе с обратной волной.

Мы наскоро пообедали и снова побежали смотреть на ужасную бурю, рокового исхода которой мы даже не подозревали... День к этому времени сгустился настолько, что походил на сумерки. Началась гроза, молния то и дело зигзагом бороздила тучи и ударяла в морскую пучину; оглушительные раскаты грома покрывали рев урагана... Какими жалкими казались эти суденышки среди разыгравшейся грозной стихии и как ничтожны и беспомощны были мы здесь на берегу, несколько тысяч человек, бессильные помочь погибающим...

Фрегат "Варна" и корвет "Мисемврия", однако, еще держались, отдав все свои якоря; но к вечеру буря их пересилила, и они подали сигнал: "Не можем держаться, уходим в море!.." Но разве можно было найти спасение в этом кипящем котле?... Через некоторое время, как эти суда исчезли в темноте, к нам с юга донеслись пушечные выстрелы, а потом и взвились две-три ракеты... Это суда извещали нас о своей смерти...

Сейчас же были снаряжены два отряда, один под начальством храброго и распо-

рядительного подполковника Резануилова для спасения людей с "Варны", другой, под начальством не менее отважного майора Антонова — для выручки "Мисемврии". Но идти по высокой части лесистого берега, сквозь кусты и колочки, не было возможности, также нельзя было пробираться по низменной береговой полосе, где волны разгуливали до самых скал. Отрядам волей-неволей пришлось ждать рассвета. Нечего и говорить, что люди не спали всю ночь, но чуть забрезжил свет, мы (я тоже вызвался идти охотником) выступили на юг, к чуть видневшейся "Варне".

С великим трудом мы пробирались вдоль берега, прижимаясь к скалам при набегавшей волне и затем быстро перебегаем свободные пространства. К довершению бед, главная масса лесу была снесена течением к югу, и теперь бревна и доски, подымаемые волнами, неистово ударялись в берег. Таким образом, нам приходилось еще бороться и с этими таранами. Все-таки мы сравнительно благополучно достигли "Варны", которая счастливо попала на песчаную косу и хорошо села в грунт носом в разрез волны. Тут остался отряд Резануилова, а майор Антонов пошел дальше. И меня потянуло с последним. Уже совершенно ободняло. Верстах в семи виднелась "Мисемврия", жалко перекачивавшаяся с боку на бок от набегавших волн.

До сих пор мы имели дело только с природой, но, когда подошли к месту крушения корвета, вмешались и наши враги. Заметив гибнущее судно, горцы, всегда зорко следившие за всяким крушением, из которого привыкли извлекать выгоды, стеклись сюда во множестве. Первые матросы, высадившиеся с "Мисемврии", попали сейчас же в плен, но наши передовые взводы успели четырех отбить, а остальные, если не ошибаюсь, человек шесть, остались-таки в руках убийхов.

Майор Антонов, подойдя к месту и встреченный выстрелами, выслал две роты, которые с криком "ура" вскарабкались наверх по крутому береговому откосу, выбили горцев штыками, а затем вырубали топорами и тесаками широкую поляну вокруг и тем обезопасили нас с этой сто-

роны. Только после этого мы могли обратить внимание на гибнущее судно, которое застряло саженьях в двухстах от берега и держалось пока на двух своих последних якорях, но, очевидно, минуты его были сочтены. Волны сначала перекачивали корвет с боку на бок, а теперь подбрасывали и снова ударили дном о скалистое дно, трюм уже был полон воды. Матросы, как только мы подошли, стали бросаться в воду. Но многие были до такой степени изнурены почти суточной непрерывной борьбой со штормом, что не могли бороться с прибоем, относившим пловцов обратно от берега. На наших глазах таким образом погибло двое.

Я когда-то хорошо плавал и решил помочь слабейшим. Обвязав себя захваченной нами сильно просмоленной и смазанной ворваньной веревкой, не толще мизинца, я условился с людьми, чтобы они меня тащили, как только подам им знак рукою. Перекрестившись, я бросился в бурю, и меня сразу потянуло в море. Очень тяжело было плыть против волны, особенно с веревкой, сильно тащившей к низу, но вот попался мне матрос, уже наглотавший воды и пускавший уже пузыри... Я видел его бессмысленные оловянные глаза и бестолково подымающиеся руки...

Несчастный судорожно было схватился за меня, но я успел увернуться и схватить его за волосы, а там с берега нас потащили... Один был спасен!.. Отдышавшись немного, я снова поплыл и помог еще двум, но на третьем осколок доски сильно повредил мне ногу выше колена, да я наконец уже выбился из сил. Но начало было сделано, моему примеру последовали другие, и дело спасения наладилось.

Корвет, однако, покинули не все. По морским традициям, свято сохранявшимся в морской среде, считалось бы величайшим позором покинуть совершенно корабль. На борту "Мисемврии" остался защищать священный Андреевский флаг старший лейтенант Зорин, заменявший больного капитана, кажется, Бутакова, и с ним семь добровольно оставшихся матросов, состарившихся на корвете и считавших его второй своей родиной. В случае крайности, если им не удастся спастись, они реши-

ли взорваться...

Мне память в этом случае досадно изменила, и я положительно не помню, какой участи подверглись эти герои, достойные быть занесенными золотыми буквами на страницах истории...

Но наши испытания этим не кончились. Лучше сказать — они только еще начались... Горцы, умело оценив наше трудное положение и полную изолированность от остального отряда, хотели воспользоваться удобным случаем, чтобы уничтожить нас... Они стеклись в громадном числе и переходили от времени до времени в рукопашную. Пришлось верхнее прикрытие усилить еще одной ротой... Чтобы не быть окончательно смятым, майор Антонов, скрепя сердце, решил предоставить судьбе защиту остатков "Мисемврии" и начать отступление к крепости. В открытом месте солдаты вырыли могилу, в которую уложили восемнадцать трупов убитых и утонувших, верх сравняли под общий уровень, прикрыли пластами дерна, засадили даже кустиками, чтобы сделать место погребения незаметным, наделали для раненых носилок и двинулись обратно. Но положение наше становилось прямо-таки отчаянным: слева — прибой волн, которые, казалось, разошлись еще более прежнего, справа — почти отвесная осыпь, усеянная горцами, и мы принуждены вытянуться узкой лентой почти на версту. К довершению бед, замки наших ружей заклинило от брызг, и мы стрелять не могли. По счастью, и у горцев случилось тоже, стрелы же их были не так опасны, поэтому они норовили все больше схватываться в рукопашную, что значительно уравнивало наши шансы.

Истинно говорит пословица: "война родит героев". Так было с нашим поручиком Вознесенским. Крайне некрасивый, смешной, даже с виду, он в обычное время совершенно не внушал к себе доверия, но умный майор Антонов знал кому поручить дело. Он приказал поручику Вознесенскому прикрыть отряд от этого параллельного преследования, и вот Вознесенский разом вырос как-то, похорошел даже; решительным, громким голосом он начал отдавать команды, и разом все почувствовали над собою умелую руку. В одном опасном месте, где затаились горцы, ду-

мая нам устроить бойню, этот молодец с несколькими десятками таких же удалцов выдвинулся вперед, бросился на неприятеля, мигом переколол большую часть, а прочую обратил в бегство и, пропустив отряд, стал сам отходить под натиском наседавшего неприятеля... Но мы продолжали нести потери. Убитых было более пятидесяти, а раненых втрое более... Почти весь отряд превратился в носильщиков. Не доходя с версту до Варны, к нам вышел отряд Резануйлова, давший нам возможность вздохнуть свободнее.

От души мне было жаль напрасной гибели необыкновенного красавца и прекрасной души молодого человека графа Вацлава Ржевуского. При отступлении он был ранен в колено, и его несли на носилках, сделанных из ружей и шинелей. Я шел рядом с ним, и он, несмотря на страшную боль, а может быть, желая заглушить ее, громко распевал французские песенки, а потом стал мне рассказывать про одно из своих многочисленных любовных приключений, от которых он собственно и бежал на Кавказ... Оставалось еще каких-нибудь сажень сто до совершенно безопасной полосы, как вдруг, вероятно, девятая волна набежала и смыла нас нескольких человек и графа в том числе... Нам всем удалось одолеть оливное течение, а Ржевуского с его разбитым коленом унесло в море. Два матроса бросились за ним и им удалось его вытащить, но уже мертвого... А он будто предчувствовал свой конец, говоря, что боится в жизни только двух вещей: ревнивой женщины и бушующего моря...

Да, тяжелые, незабываемые минуты пришлось нам пережить в этот день 31-го мая!.. В лагере нас встретили, как воскресших. И, правда, нужно погостить за чудо, как мы не погибли все до единого.

Кому горе, кому радость: за это дело я был награжден именным, т. е. по особому представлению, солдатским Георгиевским крестом (N 72226), — моя первая боевая награда, которую я имел право до некоторой степени гордиться... Кроме того, наряду с другими я получил еще: "рубль ассигнациями, чарку вина и фунт рыбы"...

За перенесенные труды отряд майора Антонова был освобожден генералом Симборским на несколько дней от всяких нарядов.

Весь июнь прошел у нас в крепостных работах, причем неприятель бездействовал и даже пытался завести с нами торговые сношения. Внизу между водопойным местом, защищенным блокадом, и спуском из крепости была обширная площадь, на которую в известные дни собирались горцы со своими сельскими продуктами и изделиями и горские евреи с мелким товаром.

На этих базарах, называвшихся также майданами, можно было купить превосходные фрукты, культивировавшиеся горцами по лесам на дичках,

мед в сотах, местного изделия тканые ковры, копченый сыр, кукурузную муку, разную живность — барашков, молодых бычков, кур, уток, иногда убитого оленя, козла, медведя, а раз убыхи приволокли на лямках кабана. Они, вероятно, думали посмеяться над нами, на самом же деле выгодно его продали. У горских евреев можно было купить хорошего турецкого табаку, ситцу русского и английского изделия, превосходный ром, коньяк и даже некоторые испанские и французские вина. Этот последний товар и табак шли очень ходко.

Но нельзя сказать, чтобы цены стояли очень низкие. Наименьшая ходячая монета была абаз, двадцать копеек, все равно какого бы чекана она ни была, грузинского, русского, турецкого, лишь бы подходящего размера и с рельефным изображением чего-нибудь, и, наконец, "манэт", т. е. рубль. Горцы принимали только серебро и золото, а евреи и ассигнации, валюту которых постигли очень скоро. Так как меньшей разменной монеты не было, то сдачи не полагалось, а приходилось приобретать столько предметов, сколько удавалось сторговать на абаз или манэт. Покупаешь, например, курицу, просит абаз, но, конечно, это дорого, а потому сторговываешь две-три курицы на этот абаз. За бутылку рому просит еврей манэт, в конце выторговываешь на манэт несколько бутылок, да еще халвы или большую жменю табаку. Фруктов на абаз набирали столько, сколько мог унести один человек и т. п.

Безденежье солдат вынудило некоторых к подделке, но довольно оригинальной, специально для "гололобовых", как говорили потом виновные. Нашлись такие ловкачи, которые ухитрились в гипсовых формах вылить из какого-то особого сплава комбинацию из греческой монеты с одной стороны, а с другой из персидской или грузинской; получалась очень красивая монета, которую по блеску и по звону было очень трудно отличить от настоящей, но только она легко ломалась пальцами... Вначале эта фальшивая монета очень шла бойко, но когда обман раскрылся, то разобитые горцы перестали ездить. Спрошенные о причине, они рассказали, и дело таким образом раскрылось. Начальство, чтобы не поощрять подобного рода индустрии между солдатами, порядочно-таки наказало фальшивомонетчиков, если мне помнится, то даже шпицрутенами. Любопытнее всего, что эти фальшивые монеты курьева ради охотно приобретались, как редкость, офицерами и покупались за настоящий абаз и даже дороже. Случайно у меня долго хранилась подобная монетка с разными сторонами. Иногда я шутил с некоторыми нумизматами, предлагая им приобрести редчайшую монету "уникум"...

Оригинальность этого торжища заключалась в его военном, чисто боевом характере. Торговцы приезжали с

восточной стороны. Дежурные по базару распределяли их в одну линию, спиной к лесу. Сзади них в двух-трех пунктах становились две-три полуроты, имея ружья в козлах. Между торговцами и покупателями оставалась шагов пять шириною нейтральная полоса, что-то вроде улицы, по которой ходили базарные дежурные и переводчики из греков. Торг велся через улицу, объяснялись коверканными словами и мимикой, в сложных случаях прибежали к переводчикам. Когда приходили к соглашению, покупатель выходил вперед, брал товар и платил деньгами.

Говоря о переводчиках, мне вспоминается один весьма странный субъект, появившийся как-то с горцами. Его повязка на голове, будто раненой, скорее говорила о желании скрыть лицо. Говорил он по-горски очень бойко, по-русски же с деланным акцентом, причем иногда забывал свою роль и переходил на чисто русский говор... Откликнулся он на имя Гуссейн, солдаты же его прозвали Гуссейн Иванычем, а потом Гусь Иванычем, а не то просто "гусем лапчатым". Был он, несомненно, очень хорошо грамотен, читал бегло и писал также... Однажды он попросил у солдат черного хлеба, а в другой раз гречневой крупы. То и другое было ему дано с охотой. У убыхов он пользовался большим почетом, а русские на него смотрели с недоверием, даже со страхом, за глаза же говорили с пренебрежением:

— Беспременно, беглый какой-нибудь... Но мало ли какое могло с ним несчастье приключиться, а беда в том, что он веру их принял, а нашу продал... А все же, поди, по черному хлебу да по каше, матери нашей, стосковался... Он хоть и перевертень, а все же русского видать...

Евреи вели свою торговлю с целями наживы, горцы же, под предлогом барашка или фруктов, приезжали сам-10 и старались высмотреть что-нибудь для себя полезное. Один из них довольно равнодушно вел торговлю, а остальные упорно смотрели на крепость и блокаду и о чем-то все время говорили между собою.

Никто из нас не сомневался в том, что они шпионили и готовились к чему-то. В июле, действительно, их приезды значительно сократились, и возобновились нападения, то на наших дроворубов, то на пасущийся скот. Наконец, они получили из Турции несколько орудий и на одной командующей возвышенности, против нашего восточного фаса, устроили батарею, из которой начали бомбардировку крепости. Но эта попытка вызвала у наших один только смех. Артиллеристы, по видимому, были очень неважные, снаряды их редко попадали в крепость и еще реже рвались. Под конец у них даже вышли чугунные ядра, коих их заменили каменными, произведившими особый гул и свист, за что солдаты их прозвали "черкесскими соловья-

ми". Как ни странно, но эти ядрами, рассыпавшимися при падении в куски, у нас было ушиблено несколько человек.

10-го июля, под начальством майора Радкевича, командира батальона Тифлиского полка, недавно к нам прибывшего, была сформирована колонна для уничтожения этой неприятельской батареи. Я по-прежнему вызвался в охотники.

Отряд выступил еще до рассвета, стараясь окольными путями пробраться к верхней площадке. Нам это почти удалось, так что неприятель нас обнаружил лишь у самой батареи. Скрываться уж было нечего, охотники крикнули "ура", которое подхватил весь отряд, и все плотной массой полезли вверх.

Охотники первые очутились на поляне, и горские артиллеристы, не успевшие зарядить орудия картечью, бросились при нашем появлении наутек. Мы захватили орудия и, усевшись на них верхом, махали фуражками и кричали "ура". Особенно торжествовал один из разжалованных офицеров, думавший этим вернуть свои утраченные чины. Но пришел какой-то другой офицер, грубо согнал охотников и велел своим людям подхватить орудия на лямки, посредством которых горцы накатывали орудия на место. Эта пушка, как трофей, переходила теперь к этому офицеру, могшему по статуту даже получить георгиевский крест. Интересно знать, получил ли он орден за то орудие, которое он отбил не у неприятеля, а у своих же охотников?.. Другая пушка, подбитая нашими выстрелами, оказалась не на колесах, а на станке, почему майор Радкевич приказал забить ерш в запал и сбросить ее в кручу. Затем отряд прошел еще немного вверх, люди пособирали порядочное количество превосходных фруктов, росших в лесу, а также бортовых сот, и начали отступление. Тут убыхи пробовали отплатить нам, нападая на аррьергард, но потери наши, кажется, были очень незначительны.

Этим закончились боевые действия нашего отряда на берегах реки Сочи-Пста. Вместе с тем окончились и земляные работы в укреплении: валы, батареи, погреба, главные здания. А остальное могло быть достроено самим гарнизоном.

Может быть, именно потому, что в этом Сочи мне пришлось так много пережить, я его покидал не без грусти. В июле месяце нам на смену пришли другие части, и наш отряд был снова посажен на суда и перевезен в Сухум. Доктора считали для отряда гибельным движение в жаркое время по низменной и болотистой части Мингрелии, а потому нас поставили, по несчастному предложению кутаисского гражданского губернатора Ахлестышева, в Келасурах, хотя были здесь места несравненно более здоровые. И вот в отряде началась ужасающая заболеваемость, со смертностью по

сорок человек в день. Болели особенно острой формой лихорадки, начинавшейся крайне упорной сонливостью в течение нескольких дней и кончавшейся обыкновенно столбняком, после которого следовала смерть. О хине тогда еще и помину не было на Кавказе, но какие-то омерзительные микстуры давали. Главными мерами тогда считались предупредительные, заключающиеся в том, чтобы не есть сырых фруктов и не выходить из палаток на закате солнца, так как вечерняя роса будто бы носила в себе заразные начала. В нашей роте соблюдались эти предосторожности, и, действительно, заболеваемость у нас была наименьшая.

В середине августа, к необычайной нашей радости, получил приказ выступить полкам по штаб-квартирам. Эриванский полк поднялся первым, но всего лишь в количестве не более четырехсот человек, остальные две тысячи были рассеяны по Сухумскому, Бомборскому и Гагринскому госпиталям, но много также лежало и в сырой земле... Недаром солдаты прозвали Келасури "отрядным кладбищем"... К началу осени мы вернулись на Манглис...

К характеристике тогдашних почтовых порядков можно было бы прибавить то, что многие мои письма получены были значительно позже нашего прихода, а ведь мы шли пешком...

А.Ф. Рукевич

На этом кончаются записки отца. Дальше идут отрывочные заметки о различных эпизодах, военных бытовых сценах и мысли о воспитании солдат. Последние настолько оригинальны и во многих случаях правильны, что могли бы не без интереса для данного вопроса, быть обнародованными. Дальнейшая служба отца в общих чертах протекала так. В 1839 году за отличие в Шекинском отряде, под начальством того же генерала Симборского, отец был произведен в прапорщики и дальнейшую свою службу провел большей частью в Эриванском полку, где перебивал на всех должностях, начиная с батальонного адъютанта, кончая батальонным командиром. Кроме того, был бригадным адъютантом, адъютантом князя Барятинского, в бытность его начальником Лезгинской линии; в 1863 году назначен командиром 151 Пятигорского пехотного полка, а в 1869 году произведен в генералы с назначением помощником начальника 21-й пехотной дивизии (генерала Геймана). В 1892 году он умер в чине генерал-лейтенанта в городе Екатеринодаре и похоронен по собственному желанию на православном кладбище.

Михаил Рукевич, 1912 г. Екатеринодар.

Из воспоминаний старого эриванца // Исторический вестник. N 12. 1914. С. 766 — 791.